

Лекция 4. Проблема «правления» в XVI веке

1 февраля 1978 г. Проблема «правления» в XVI веке. — Множественность практик управления (управление собой, управление душами, управление детьми и так далее). — Специфическая проблема управления государством. — Пункт отталкивания литературы об управлении: «Государь» Макиавелли. — Краткая история восприятия «Государя» до XIX века. — Искусство управления в его отличии от простого умения Государя. — Пример этого нового искусства управления: «Зерцало политики» Гийома де Перьера (1555). — Управление, которое находит свою цель в «вещах» для руководства. — Отступление закона вследствие распространения разнообразных тактик. — Исторические и институциональные препятствия использованию этого искусства управления до XVIII века. — Проблема населения. Появление населения как основной фактор устранения препятствий для применения искусства управления. — Треугольник «управление — население — политическая экономия». — Вопросы метода: проект истории «управленчества». Чрезмерное внимание к проблеме государства

Рассматривая ряд механизмов безопасности, я ставил своей целью обратить ваше внимание на то, что вопросы их функционирования оказываются тесно связанными со специфическими вопросами населения. А в прошлый раз, подвергнув феномен населения несколько более подробному анализу, мы, как вы помните, довольно быстро столкнулись с проблемой управления. В итоге выходит, что на наших первых лекциях мы получили определённую последовательность: «безопасность — население — управление». И вот на проблеме управления я и хотел бы теперь в какой-то степени остановиться.

Разумеется, в Средние века, как и в эпоху Древней Греции и Древнего Рима, отнюдь не было недостатка в трактатах, состоящих из наставлений государю относительно того, какой манеры поведения ему придерживаться, как отправлять власть, как добиваться признания и уважения со стороны подданных. В них властителям советовалось любить Бога и повиноваться его воле, вводить в Граде земном законы Града Божьего [2] и так далее. Однако довольно удивительно, на мой взгляд, то, что начиная с XVI века, а если быть более точным, с середины XVI и вплоть до конца XVIII столетия появляется очень большое число сочинений, назвать которые сборниками советов государю, строго говоря, уже нельзя, хотя, с другой стороны, это пока ещё и не трактаты из области науки о политике. Они, такого рода сочинения, посвящены теме искусства управления. Я думаю, в XVI веке возникла проблема «правления» (В рукописи (р. 2) «правления» взято в кавычки. — Прим. ред.) в весьма широком смысле слова, и рассматривалась она применительно к самым разным ситуациям и под самыми разными углами зрения. Она выступала, к примеру, в виде проблемы управления собой. Поворот к стоицизму, который произошёл в XVI столетии, был связан с актуализацией как раз этого вопроса — как контролировать самого себя. Она выступала также в качестве проблемы управления душами и образом жизни людей, ставшей центральной для католического и протестантского пастырства. Она, далее, заявляла о себе и как проблема управления детьми, на которой сосредоточилась начавшая в то время своё развитие педагогика. И, наконец — и, возможно, как раз далеко не в первую очередь, — это была проблема осуществления властителем управления государством. Как управлять собой, что значит быть управляемым, каким образом управлять другими, кому нужно доверять управление, что необходимо делать, чтобы стать наилучшим из возможных правителей?

Мне кажется, появление такого рода не только многочисленных, но и очень острых вопросов — весьма характерная черта XVI столетия. И подготовлены они сложной общественной динамикой: если не вдаваться в детали, столкновением двух определяющих её движений. Во-первых, идёт процесс становления и территориального и административного обустройства больших, зачастую обладающих и колониальными владениями государств. Во-вторых, имеет место совсем другой процесс — который, впрочем, не является абсолютно независимым от первого, но мы не можем здесь на этом останавливаться, — и в его рамках сначала в связи с Реформацией, а потом Контрреформацией всё время поднимается вопрос о том, каким должно быть духовное руководство людьми в их земной жизни, чтобы обеспечить им путь к спасению. Итак, с одной стороны, движение концентрации и государственного объединения, а с другой — рассеивания и религиозного раскола; и как раз в пространстве столкновения этих двух движений, на мой взгляд, и встаёт в XVI веке во всей её остроте проблема того, «что значит быть управляемым, кем должно осуществляться управление, в каких пределах, с какими целями и какими методами». Именно данные

вопросы, как мне представляется, очерчивают проблематику управления вообще, оказавшегося в центре внимания в XVI столетии.

Вернёмся, однако, к самой литературе об управлении, остававшейся весьма распространённой вплоть до конца XVIII века, но пережившей при этом изменение, которое я попытаюсь сейчас охарактеризовать. Так вот, во всей такого рода обширной литературе, которая, если она и появилась раньше, всё же именно в середине XVI столетия стала по-настоящему многочисленной, поистине необъятной, — во всей этой литературе, во всей этой массе в целом схожих друг с другом текстов мне хотелось бы выделить лишь несколько интересующих меня мест. Я хотел бы привлечь ваше внимание лишь к рассуждениям, касающимся не иначе, как определения того, что их авторы понимают под управлением государством, того, что можно, если хотите, назвать управлением в его политической форме. Как я в таком случае поступлю? Мне кажется, к интересующим меня фрагментам проще всего подойти, рассматривая многочисленную литературу об управлении в связи с текстом, который в период с XVI по XVIII век всё время был для неё неким явным или неявным пунктом отталкивания. И этот пункт отталкивания, в связи с которым, в рамках оппозиции [которому] и [через] отрицание которого конституировалась литература об управлении, этот вызывающий у неё отторжение текст есть не что иное, как «Государь» Макиавелли. [3] Так что нам, мне думается, целесообразно рассмотреть историю его восприятия, имея в виду крайне резкую критику содержащихся в нём идей последующими мыслителями.

[Сначала] «Государь», [и об этом не нужно забывать], отнюдь не вызывал к себе сколько-нибудь серьёзного негативного отношения: более того, современники и ближайшие последователи Макиавелли видели в данном произведении труд, заслуживающий самой высокой оценки. И этот успех у думающей публики вернулся к «Государю» в конце XVIII и самом начале XIX века, то есть как раз в период заката, а затем и практически полного исчезновения бывшей до того действительно необъятной литературы об управлении. Особенно популярным в начале XIX столетия становится «Государь» Макиавелли в Германии, где его переводят, комментируют и анализируют такие исследователи, как Реберг, [4] Лео, [5] Ранке, [6] и Келлерман, [7] и в Италии, где им активно занимается Ридольфи. [8] Почему же всё это имеет место? Я думаю — разумеется, то, чего я лишь коснусь, требует гораздо более глубокого анализа, — я думаю здесь важно учитывать контекст происходящего. Прежде всего, безусловно, необходимо принять во внимание всё связанное с Наполеоном, но также и с Революцией, необходимо вспомнить о проблеме, которую она поставила, а именно: [9] как и при каких условиях можно поддерживать верховную власть суверена над государством? Нужно, далее, иметь в виду и проблему Клаузевица — проблему соотношения между политикой и стратегией. Политическое значение расстановки сил в мире и учёта силовых взаимодействий между государствами как принципа осмысления и рациональной организации международных отношений со всей очевидностью продемонстрировал в 1815 году Венский Конгресс. [10] И, наконец, важно обратить внимание на проблему территориального единства Италии и Германии, ибо Макиавелли, как вы знаете, как раз был одним из тех, кто пытался найти путь к объединению итальянских земель.

Итак, в начале XIX века «Государь» становится вновь популярен, и происходит это далеко не случайно. Однако в рамках довольно длительного промежутка между ними, между периодом высокой оценки Макиавелли, который датируется началом XVI столетия, и периодом этого нового, и весьма восторженного, признания его заслуг, который приходится на начало XIX века, — в рамках данного промежутка времени, вне всякого сомнения, заявляет о себе то, о чём я уже упомянул: интенсивное распространение антимаккиавеллистской литературы. Нередко её направленность против Макиавелли совершенно очевидна, и в первую очередь это касается целой серии книг, написанных, вообще говоря, людьми, имеющими прямое отношение к католической и даже иезуитской среде. Я думаю, вам известен, к примеру, текст Амброджо Полити, который называется «Disputationes de libris a Christiano detestandis», [11] что, как я понимаю, означает: «Возражения против книг, которые христианин обязан ненавидеть»; есть книга, автор которой имел несчастье носить имя Инносан и фамилию Жантийе: (Жантийе, jantillet по-французски может иметь смысл «славный, но глуповатый», а инносан, innocent — «простачок», «юродивый». — Прим. пер.) так вот, этот Инносан Жантийе написал одну из первых антимаккиавеллевских работ под названием «Государственные рассуждения о средствах хорошего управления, направленные против Никколо Макиавелли»; [12] позднее исследователи отнесут к явно антимаккиавеллевской литературе и опубликованный в 1740 году текст Фридриха И. [13]

Однако существуют и тексты иного плана, содержащие в себе гораздо менее очевидную критику идей Макиавелли, а следовательно, находящиеся в скрытой оппозиции к его творчеству. Это, к примеру, вышедшая в 1580 году английская книга Томаса Элиота «Правитель», [14] книга Паруты «Совершенство политической жизни» [15] и опубликованная в 1555 году (У Фуко: «в 1567 году». — Прим. ред.) и, возможно, одна из первых работ такого рода книга Гийома де Ла Перьера «Зерцало политики», [16] на которой я вскоре остановлюсь. Однако каким бы — явным или скрытым — ни выступал антимаккиавеллизм этих произведений, было бы ошибкой полагать, будто он выполняет исключительно отрицательную работу блокировки, отклонения и отторжения неприемлемого; и каким бы настойчивым ни являлось наше стремление превозносить критический дискурс — то есть, как вы знаете, мысль настолько сильную и ниспровергающую, настолько опережающую самое себя, что обыденный дискурс просто обязан ставить ей преграды, включая механизм её подавления, — я всё же считаю, что главное в антимаккиавеллистской литературе заключается вовсе не в этом критицизме. [17] Антимаккиавеллистская литература представляет собой вполне позитивный жанр, который имеет свой объект, свои понятия и свою стратегию, и именно в этом качестве, в этой свойственной ей позитивности я и хотел бы её рассмотреть.

Итак, возьмём эту антимаккиавеллевскую литературу. Что мы здесь обнаруживаем? Разумеется, мы обнаруживаем здесь осуществлённое в режиме отрицания, а значит, в той или иной мере трансформированное воспроизведение взглядов Макиавелли. Макиавелли представляют или реконструируют в виде противника, чтобы иметь возможность сказать то, что считают необходимым сказать. Макиавеллевский Государь оказывается здесь, следовательно, так или иначе воссозданным, но мы не будем сейчас обсуждать вопрос о степени его сходства с Государем самого Макиавелли. Мы попытаемся выяснить другое: как характеризуют в антимаккиавеллевской литературе этого Государя, с которым вступают в

спор и позиции которого противопоставляют свою собственную?

Во-первых, Государя характеризуют, указывая на принцип его существования: у Макиавелли Государь — единственный властитель того, чем распоряжается, и он при этом экстериорен, трансцендентен по отношению к нему. Своё владение Государь Макиавелли либо получает по наследству, либо покупает, либо завоёвывает, однако при этом никогда не становится его частью, никогда не утрачивает внешней по отношению к нему позиции. Он может владеть определёнными землями по праву победителя, или в силу традиции, или вследствие договора, компромиссного соглашения, сделки с другими государями, но всё это в данном случае не так уж и важно. Гораздо важнее то, что его связь с тем, чем он распоряжается, является чисто синтетической: искать сколько-нибудь фундаментальное, основополагающее естественное и юридическое отношение взаимопринадлежности между Государем и его владением было бы абсолютно бесполезно. Экстериорность, трансцендентность — именно они составляют принцип существования Государя. Во-вторых, Государя описывают, подчеркивая неизбежное следствие данного принципа.

Речь идёт о том, что, поскольку Государь в отношении своего владения экстериорен, его связь с ним не может не быть достаточно непрочной, а значит, находится под постоянной угрозой. Эта угроза может исходить извне, от врагов Государя, которые стремятся захватить или вернуть себе его земли; но она, эта угроза, может исходить и изнутри, ибо при таком положении дел у подданных нет никакого основания в себе, основания *a priori*, которое напрямую побуждало бы их принимать владычество Государя. И, в-третьих, Государя характеризуют, обращая внимание на вытекающий из принципа его существования и из неизбежного следствия этого принципа важный императив, а именно: цель отправления власти заключается в том, чтобы безусловно отстаивать, укреплять и усиливать владение. Здесь под «владением» понимается уже не некая территория с проживающими на ней подданными, не объективное, если угодно, владение: нет, теперь имеется в виду владение как отношение Государя к тому, чем он владеет, к территории, которую он унаследовал или приобрёл, и к подданным, которыми он распоряжается. И прямо и непосредственно, основательно и в первую очередь отстаивать надо не территорию и проживающих на ней людей, а как раз владение в смысле отношения Государя к своим подданным и к своей территории. Обеспечивать же укрепление столь слабой, столь непрочной связи Государя с его владением призвано не что иное, как представленное Макиавелли искусство управления, искусство быть Государем.

Однако такая трактовка Государя с необходимостью заставляет авторов-антимакиавеллистов сконцентрироваться на двух основных вопросах. Во-первых, это вопрос, касающийся определения опасностей: откуда они проистекают, в чём заключаются, какие из них являются наиболее, а какие наименее серьёзными? А во-вторых, это вопрос об искусстве манипулирования различными силовыми взаимодействиями, которое должно позволить Государю отстоять его владение в смысле отношения к принадлежащим ему подданным и принадлежащей ему территории. В сущности же, «Государь» Макиавелли, каким его восприняли многочисленные явные и неявные антимакиавеллисты, предстал перед ними как трактат об умении Государя сохранять своё владение. И вот я думаю, что данное учение об умении Государя, о его сноровке они решили заменить концепцией кое-чего другого, относительно нового, а именно искусства управления, ибо обладать умением

сохранять своё владение и обладать искусством управления, с их точки зрения, — вещи абсолютно разные. Искусство управления — это нечто совершенно особое. Но в чем же тогда оно заключается?

Чтобы как-то обозначить зарождение идеи искусства управления, я обращусь к одной из первых во всей этой большой антимаккиавеллистской литературе работ — к работе Гийома де Ла Перьера, которая появилась в 1555 году (М. Фуко говорит: «в 1567 году». Этот же год указан и в рукописи. — Прим. ред.) и называется «Зерцало политики, вмещающее различные способы управлять». [18] Качество данной книги, как и многих других книг того же рода, особенно если сравнивать их с текстом самого Макиавелли, оставляет желать лучшего, и тем не менее, на мой взгляд, в ней можно обнаружить ряд весьма интересных вещей. Прежде всего, какой же смысл вкладывает Ла Перьер в слова «управлять» и «правитель», какие определения он даёт тому, что они обозначают? На двадцать третьей странице его текста читаем: «Правителем может быть назван любой монарх, император, король, князь, сеньор, магистрат, прелат, судья и им подобные». [19] И так же, как и многие другие рассуждающие об искусстве управления, Ла Перьер постоянно напоминает, что управлять для него — это значит «управлять домом», «управлять душами», «управлять детьми», «управлять провинцией», «управлять монастырем или религиозным орденом», «управлять семьёй» и так далее.

Конечно, все эти замечания кажутся чисто терминологическими, более того, в какой-то степени они и являются таковыми, и тем не менее за ними угадывается вполне определённая политическая установка. В самом деле, Государь, каким он выступает у Макиавелли, а также и у Ла Перьера, — это, согласно фундаментальному принципу его существования, единственный распорядитель в своём владении, причём занимающий по отношению к нему внешнюю, трансцендентную позицию. А что мы видим теперь? С одной стороны, мы видим, что и субъект, и практика управления оказываются множественными, ибо функцию управления, как выясняется, осуществляют не один, а, наоборот, большое количество самых разных людей: отец семейства, настоятель монастыря, воспитывающий детей педагог, обучающий школьников преподаватель и так далее. И поскольку управление множественно, постольку то, чем занимается руководящий своим государством Государь, является лишь одной из его разновидностей. (М. Фуко добавляет: «тогда как имеется лишь одна модальность [несколько слов фонограммы расшифровать не удалось] владения: быть государём». — Прим. ред.) А с другой стороны, из замечаний Ла Перьера следует, что все эти различные формы управления конституируются не иначе, как внутри самого общества, внутри государства. Именно в пространстве государства отец семьи управляет своей семьёй, настоятель монастыря — своим монастырем и так далее. Здесь, таким образом, мы сталкиваемся с представлением о множественности форм управления и имманентности его практик государству — представлением, которое радикально расходится с идеей сингулярно-единичной и воздействующей на общество извне управленческой активностью Государя Макиавелли.

Разумеется, среди всех этих обнаруживающихся в пространстве общества, в пространстве государства взаимосвязанных, взаимодействующих друг с другом видов управления особо выделяют тот, что ориентирован на государство в целом. Именно так, к примеру, поступит столетие спустя Франсуа Ла Мот Лё Вейе, когда попытается разработать типологию форм

управления. В серии книг, представляющих собой тексты-наставления дофину, он выскажет мысль, что, в сущности, имеется три типа управления, зависящих соответственно от трёх наук, или трёх особых типов размышления: управление самим собой, которое состоит в ведении морали; предполагающее специфическое искусство управления семьёй, которое подчиняется экономике; и, наконец, основанное на знании того, как «управлять надлежащим образом», управление государством, которое зависит от политики. [20] Политика в сравнении с моралью и экономикой, как мы видим, для Ла Мота Лё Вейе есть нечто особенное, и он специально это подчёркивает: она ни в коем случае не совпадает ни с первой, ни со второй.

И тем не менее, каким бы существенным ни было такого рода разграничение трёх наук и соответствующих им видов искусства управления, гораздо важнее, на мой взгляд, то, что Ла Мот Лё Вейе настаивает на принципиальной непрерывности ряда «мораль — экономика — политика». Стало быть, если доктрина Государя или юридическая теория суверена всё время пытаются указать на разрыв, на отсутствие перехода между властью Государя и любой другой формой власти, если они придерживаются тезиса о их несоразмерности друг с другом, то концепция искусств управления, напротив, стремится обосновать тезис, согласно которому основные формы управления являются элементами непрерывной последовательности, а значит, связаны между собой как восходящей, так и нисходящей линиями перехода.

С восходящим переходом мы имеем дело тогда, когда обнаруживается, что тот, кто хочет уметь управлять государством, должен сначала научиться управлять собой; затем, на следующем уровне, — управлять своей семьёй, своим имуществом, своим поместьем; и только после этого он окажется наконец способным к управлению обществом в целом. На такого рода восходящее движение ориентирована вся активно разрабатываемая в этот период педагогика Государя, один из вариантов которой предложен Ла Мотом Лё Вейе. Наставляя дофину, он пишет для него сначала книгу о морали, затем книгу об экономике [...] (Несколько слов в звукозаписи остались нерасшифрованными. — Прим. ред.), а завершает данную серию трактатом о политике. [21] И восходящая линия непрерывной последовательности различных форм управления закрепляется именно педагогикой Государя. А о наличии нисходящей линии этой последовательности свидетельствует ещё один факт: когда хорошо управляется государство, в нём начинают надлежащим образом управлять семьями, их богатствами, их имуществом и собственностью, что призваны делать отцы семейств, и самими собой, что входит в обязанность любого индивида независимо от его социального статуса. Данный нисходящий переход, благодаря которому хорошее управление государством порождает надлежащее поведение у индивидов и должное управление семьями со стороны отцов семейств, обеспечивается тем, чему в этот период дадут наименование «полиция». Так что восходящая линия непрерывной последовательности форм управления поддерживается наставлениями педагогики Государя, а нисходящая — режимом полиции.

А теперь обратим внимание на ближайшее к управлению государством звено рассматриваемой нами непрерывной последовательности. Таким ближайшим к нему звеном, как мы видим, является весьма значимое и с точки зрения педагогики Государя, и с точки зрения организации полиции управление семьёй, которое в то время вполне оправданно

обозначают термином «экономия». И вот в связи с данным элементом антимакиавеллевская литература об искусстве управления поднимает, в сущности, очень важный вопрос: что нужно сделать, чтобы логика этой экономии, — то есть принципы рационального руководства людьми, имуществом и богатством в рамках семьи, принципы, которые доказывают свою эффективность, ибо позволяют хорошему отцу семейства с успехом руководить женой, детьми и прислугой и устраивать выгодные для семейного благосостояния браки своих сыновей или дочерей, — что нужно сделать, чтобы логика такого рода постоянной и тщательной заботы отца семейства о своём доме стала вместе с тем и логикой руководства государством в целом? Вопрос действительно очень серьёзный, и поиск ответа на него, поиск путей введения экономики в пространство отправления политики будет, на мой взгляд, ключевой проблемой управления не только в XVI и XVII веках, но также и в XVIII веке. И Руссо в статье «Политическая экономия», отталкиваясь от того, что слово «экономия» в своём исходном смысле означает «благоразумное управление домом для общего блага всей семьи», [22] вне всякого сомнения, формулирует её все в тех же терминах. Сама же проблема, с его точки зрения, такова: каким образом это благоразумное управление семьёй можно было бы — *mutatis mutandis*, учитывая препятствия, на которые будет указано — внедрить в общее руководство государством? [23] И если данное внедрение удастся, управление государством будет использованием экономии, экономии на уровне общества в целом, то есть осуществлением надзора за жителями страны, за имеющимися богатствами, за поведением всех и каждого — надзора не менее тщательного, чем тот, что осуществляет отец семейства за своими домочадцами и своим имуществом.

Однако следует отметить, что положение дел с управлением и экономией в XVIII веке характеризует ещё и весьма показательная позиция Кенэ: он, рассуждая о хорошем управлении, имеет в виду экономическое управление. [24] С чем же мы здесь сталкиваемся? Мне кажется, и к этому я позднее вернусь, мы сталкиваемся здесь с рождением нового фундаментального понятия. Конечно, если полагать, будто экономика в её связи с управлением в это время по-прежнему остаётся не более чем экономией, то трудно не прийти к выводу, что понятие экономического управления абсолютно бессодержательно. Бессодержательно, ибо искусство управления и так является искусством реализации власти исключительно в режиме и в соответствии с принципами экономики. И тем не менее Кенэ всё же им, данным понятием, пользуется. Почему? Да потому что феномен экономики в силу ряда причин, на которых я попытаюсь вскоре остановиться, теперь начинает истолковываться иначе, уже в новоевропейском ключе, и происходит это по мере того, как управление, по-прежнему основывающееся на искусстве осуществления власти в режиме экономики как экономии, делает своим главным объектом то, что мы понимаем под экономикой в настоящее время. Для XVI века экономика была экономией как формой управления, для XVIII века она — вследствие целой серии весьма сложных и, на мой взгляд, крайне существенных для нашей истории трансформаций — станет некой специфической реальностью, реальностью, находящейся в ведении управления. Вот, собственно, то, что значит для антимакиавеллистов управлять и быть управляемым.

Во-вторых, все в том же тексте Гийома де Ла Перьера имеется [следующая фраза] (У М. Фуко: «следующий текст». — Прим. ред.): «Управление есть разумное распоряжение вещами, которые берутся вести вплоть до достижения надлежащей цели». [25] И в этой

связи я хотел бы сделать ряд замечаний несколько иного рода, нежели те, что касались самих определений правителя и управления. «Управление есть разумное распоряжение вещами»... — давайте остановимся немного на присутствующем здесь слове «вещи». Если обратиться к «Государю» и попытаться выяснить, каким образом в нём характеризуется то, к чему обращена власть, то обнаруживается, что объектом, так сказать, «мишенью» власти для Макиавелли являются два образования: это, с одной стороны, территория, а с другой — проживающая на ней совокупность людей. И в данном случае Макиавелли в своих рассуждениях просто учитывает ключевой юридический принцип, на котором в его эпоху должна была основываться всякая верховная власть: согласно государственному праву в том его виде, в каком оно существовало начиная со Средних веков и вплоть до XVI века, верховная власть осуществляет свой суверенитет не над вещами, но прежде всего над территорией, а затем, как следствие, над населяющими её подданными. В этом плане нельзя не заметить, что фактор территории оказывается определяющим и в ситуации с владением, каким его описывает Макиавелли, и в ситуации с юридически оправданным суверенитетом, каким он предстаёт в трудах философов и теоретиков права того времени. Разумеется, те или иные земли могут приносить обильный урожай или быть бесплодными, они могут быть густонаселёнными или, наоборот, почти безлюдными, люди, проживающие на них, могут быть богатыми или бедными, деятельными или, напротив, ленивыми, но всё это тем не менее уступает по значимости территории как таковой, которая действительно выходит на первый план и в случае владения Государя у Макиавелли, и в случае суверенитета верховной власти у юристов.

А вот у Ла Перьера, как мы видим, дело обстоит по-другому: в его дефиниции управления никакого упоминания о территории нет, для него управлять — значит управлять вещами. Но тогда неизбежно возникает вопрос: а что же представляют собой эти «вещи?» Мне кажется, говоря о том, что правитель управляет вещами, Ла Перьер вряд ли хочет противопоставить вещи людям; скорее всего, он хочет сказать следующее: определяя управление, его нужно соотносить вовсе не с территорией, а со своего рода комплексом, образуемым людьми и вещами. А отсюда следует, что то, чем должен заниматься правитель, — это люди, но люди, взятые во всём многообразии их связей, отношений и теснейших взаимодействий с вещами. Это люди в их взаимоотношениях с такими вещами, как богатства, доходы, продовольствие и, разумеется, территория, обладающая определёнными границами и характеризующаяся тем или иным типом климата, тем или иным уровнем плодородия почвы и так далее. Это, далее, люди в их взаимоотношениях с такими вещами, как обычаи, привычки, образ жизни. Это, наконец, люди в их взаимоотношениях с вещами, которые несут в себе несчастье или беду, будь то голод, эпидемии или смерть.

Итак, управление обращено к вещам, представляющим собой тесное взаимодействие людей и вещей. И, я думаю, нет ничего удивительного в том, что для подтверждения этого положения практически все авторы антимаккиавеллевских трактатов об управлении прибегают к одному и тому же образу. Речь, конечно же, идёт о метафоре судна. [26] В самом деле, что значит управлять судном? Разумеется, это значит брать на себя заботу о матросах, но в то же время и о корабле и о грузе; управлять судном — это также учитывать направление ветра и расположение рифов, принимать во внимание возможное изменение погоды и наступление шторма. И как раз такого рода увязка в некое целое моряков (М. Фуко добавляет: «которых надо сберечь». — Прим. ред.) с кораблём, который надо сохранить в

исправности, с грузом, который необходимо доставить в порт, и всего этого с тем, что касается рифов, ветров и морских бурь — как раз такого рода увязка и является характерной чертой управления судном. Но то же самое имеет место и в случае управления домом, ибо оно, по большому счёту, заключается вовсе не в заботе об имуществе семьи как таковом. Нет, управлять семьёй — это значит обращать свою заботу на индивидов, которые образуют семью и которым надо обеспечить богатство и благополучие; это значит, далее, учитывать события, которые могут произойти: будь то пополнение семейства или, наоборот, смерть кого-то из домочадцев; и это значит, наконец, думать о серьёзных шагах, которые целесообразно предпринять: скажем, породниться с другими семьями. Здесь мы имеем дело все с тем же общим руководством, которым характеризуется всякое управление и в контексте которого проблема сохранения земельной собственности семьёй или обретения суверенитета над территорией Государем оказывается в итоге так или иначе частной. Главное, на что ориентировано управление, — это именно некое соединение людей и вещей, а территория, собственность как таковые являются для него чем-то относительно второстепенным.

Я обратил ваше внимание на эту очень важную идею об управлении как управлении вещами, используя текст Ла Перьера, относящийся к XVI столетию. Но вы без труда обнаружите её и в работах XVII и XVIII веков. Весьма показательны в данном отношении некоторые страницы «Анти-Макиавелли» Фридриха II, где он сравнивает, к примеру, Голландию и Россию. Да, говорит он, среди европейских государств Россия занимает первое место по протяжённости границ. Но что мы находим в этих границах? В России есть болота, есть леса, есть пустыни; она очень слабо заселена, а само её население составляют какие-то толпы бедных, несчастных, пассивных и неумелых людей. И возьмите Голландию. Хотя Нидерланды и очень мала, она, несмотря на то, что в ней, между прочим, тоже много болот, имеет достойное население, торговлю, обладает богатством и флотом, которые позволяют ей быть влиятельной страной Европы, тогда как Россия лишь пытается начать движение в этом направлении. [27] Так вот, управлять, следовательно, — это управлять вещами.

А теперь я снова вернусь к тексту Ла Перьера, точнее, к тому его месту, которое недавно процитировал: «Управление есть разумное распоряжение вещами, которые берутся вести вплоть до достижения надлежащей цели». Управление, стало быть, имеет направленность, оно распоряжается вещами — в том смысле, о котором мы говорили, — но распоряжается ими [ради достижения некоей цели] (Предположение, так как соответствующую часть звукозаписи расшифровать не удалось. — Прим. ред.). И этим, на мой взгляд, оно тоже радикально отличается от осуществления верховной власти. Да, разумеется, ни в философских, ни в юридических текстах прошлого суверенитет никогда не рассматривался в качестве своего рода безусловного права. Утверждения, будто легитимный суверен — это лишь человек, на законных основаниях отправляющий высшую власть, вы не встретите ни у юристов, ни, а fortiori, у теологов. Нет, суверен, если он хочет быть настоящим верховным правителем, обязан преследовать определённую цель, каковой, согласно юридическим и теологическим текстам, являются общее благо и спасение всех. Возьмите, к примеру, работу Пуфендорфа, вышедшую в конце XVII века. В ней автор пишет: «Высшую власть им [суверенам. — М., Ф.] сообщили с тем, чтобы они пользовались ей для достижения и утверждения общественной пользы [...]. Суверен должен считать выгодным для себя лишь то, что выступает таковым и для государства». [28]

Итак, все такого рода тексты подчёркивают следующее: верховная власть обязана ставить своей целью достижение общего блага, а также, на что тоже постоянно указывают, спасение всех. Однако в чём же заключается это общее благо, о котором говорят юристы? Каким образом оно трактуется во множестве юридических и теологических трудов? Оно, как выясняется, имеет место тогда, когда все подданные без исключения соблюдают существующее законодательство, тщательно исполняют возложенные на них обязанности, хорошо делают выпавшее на их долю дело и уважают сложившееся общественное устройство, по крайней мере в той степени, в какой оно соответствует высшим законам, предписанным Богом природе и человеку. Но отсюда вытекает только одно, а именно: общественное благо по самой своей сути есть повиновение закону. Это может быть закон суверена на этой земле или закон суверена абсолютного, Бога, однако общее и повсеместное благо как цель верховной власти в любом случае будет характеризоваться не чем иным, как подчинением соответствующему закону. И к чему же мы пришли? А пришли мы к тому, что верховная власть, оказывается, направлена на саму себя: целью осуществления суверенитета является само это осуществление. В самом деле, благо есть подчинение установленному суверенному закону, следовательно, поскольку верховная власть ставит своей целью достичь блага, она стремится добиться подчинения людей своему верховенству, а значит, по большому счёту суверенитет всегда нацелен как раз на свою, реализацию. Именно она, эта принципиальная замкнутость суверенитета на самого себя, обнаруживается в концепции власти юристов и теологов, и совершенно очевидно, что каковы бы ни были теоретическая структура, нравственное оправдание и практические следствия данной концепции, её положения не так уж далеки от положений Макиавелли, который заявлял: основная цель Государя — сохранение владения; в сущности, с обращённостью суверенитета, владения к самому себе мы сталкиваемся и в случае юридических и теологических доктрин, и в случае макиавеллиевской теории.

А с чем мы имеем дело в ситуации с Ла Перьером, с его поиском дефиниции управления? Я думаю, в его тексте содержится указание на совершенно иной тип целенаправленности. Управление определяется им как разумный способ распоряжения вещами, позволяющий вести их не к состоянию «общего блага», о чём идёт речь у юристов, а к «надлежащей цели», цели, надлежащей для каждой из вещей, являющихся объектами управления. Но отсюда сразу же следует, что таких целей должно быть много. Управление, к примеру, должно стремиться к тому, чтобы в стране производилось как можно больше богатств; оно должно также добиваться того, чтобы люди снабжались достаточным или даже более значительным количеством продовольствия; оно, наконец, обязано ориентироваться на создание условий для роста численности населения. Управлению, таким образом, необходимо постоянно иметь в виду целую серию конкретных целей. И, чтобы достичь их, нужно распоряжаться вещами. Это слово «распоряжаться» здесь очень важно, ибо в случае верховной власти тем, благодаря чему достигается цель, то есть подчинение законам, выступает не что иное, как сам закон. Закон и суверенитет, стало быть, составляют единое целое. Теперь же, однако, речь идёт не о внушении закона подданным, а о распоряжении вещами, иначе говоря, об использовании не столько законов, сколько тактик, или о максимальном использовании законов в режиме тактик; стремясь достичь той или иной конкретной цели, надо находить такой набор средств, применение которого делает данную цель достижимой.

Я думаю, здесь перед нами радикальное различие в установках власти: если цель суверенитета заключена в нём самом и если средства её достижения — это сам суверенитет, выступающий в форме законов, то цель управления составляют вещи, которыми оно руководит; она заключается в совершенствовании — посредством максимизации, интенсификации и тому подобном — управляемых процессов, и инструментами управления выступают уже не законы, а разнообразные тактики. Тут, таким образом, мы сталкиваемся с отступлением закона или, если иметь в виду то, чем должно стать управление в будущем, со следующим важным обстоятельством: закон явно перестаёт быть главным инструментом власти. Эта тема инструментов власти будет присутствовать в сочинениях на протяжении всего XVII столетия, но особенно активно её станут обсуждать в XVIII веке, когда экономисты и физиократы заявят нечто, с их точки зрения, совершенно бесспорное: для эффективного достижения целей управления нужно прибегать отнюдь не к закону.

И, наконец, четвёртое замечание, относящееся к работе Гийома де Ла Перьера, замечание краткое, поскольку касается тех его соображений, которые, в общем-то, и не требуют развёрнутого комментария. Ла Перьер говорит, что тот, кто умеет хорошо управлять, хороший правитель с необходимостью обладает «терпением, мудростью и усердием». [29] Что же он понимает под «терпением?» Так вот, стремясь прояснить для читателей смысл этого термина, Ла Перьер приводит пример со шмелем, которого он именуется «королём медоносных мух», то есть пчёл. И он заявляет: шмель царствует над пчелиным роем — что, разумеется, не так, но это в данном случае не имеет значения, — и царствует, не испытывая нужды в жале. [30] Бог, по мнению Ла Перьера, тем самым хотел «мистическим образом» указать нам, что у истинного правителя для отправления власти прибегать к жалу, к орудию убийства, к мечу нет никакой необходимости. Он, истинный правитель, обязан предпочитать гневу терпение или, иными словами, должен как можно реже использовать своё право убивать ослушавшихся, своё право на применении силы. А чем обогащает его это отсутствие жала? Мудростью и усердием. Интерпретация мудрости у Ла Перьера выходит за рамки её традиционного понимания: это уже не знание людских и божественных законов, не знание правильного и справедливого. Нет, мудрость здесь представляет собой не что иное, как постижение вещей и целей, к которым их можно привести и которых надо тем или иным способом достичь. Иначе говоря, суверен мудр тогда, когда он постиг искусство «распоряжения» вещами для достижения надлежащих целей. Что же касается усердия, то оно предполагает только одно: суверен, а лучше сказать, тот, кто управляет, должен управлять лишь постольку, поскольку он мыслит и действует, как если бы он находился на службе у управляемых. И в данном случае Ла Перьер снова обращается к примеру отца семейства: глава семьи — это человек, который встаёт раньше всех домочадцев и который ложится позднее всех остальных, это человек, который заботится обо всём, ибо считает себя состоящим на службе у своих близких. [31]

Эта появившаяся в ранних антимаккиавеллистских текстах характеристика управления, как вы теперь видите, довольно существенно отличается от той модели владения Государем его землями и подданными, которую антимаккиавеллисты обнаружили — или, во всяком случае, полагают, что обнаружили — у Макиавелли. Хотя, разумеется, несмотря на свою новизну, само понятие «управление» здесь пока ещё весьма неопределённо. Вместе с тем, на мой взгляд, надо иметь в виду, что этот очень беглый набросок концепции искусства

управления, этот самый первый её эскиз вовсе не был оторван от реалий общественной жизни XVI столетия; его, иными словами, нельзя считать продуктом никак не связанных с изменениями в обществе размышлений теоретиков политики. С какими же общественными процессами оказалось сопряжено формирование доктрины антимакиавеллистов? Во-первых, теория искусства управления формировалась в тесной связи с начавшимся в XVI веке развитием административного аппарата территориальных монархий (появлением специальных правительственных институтов, учреждением их представительств в регионах страны и так далее). Она, эта теория, далее, формировалась в связи с начавшимся опять-таки в XVI, но ставшим особенно бурным в XVII столетии развитием социальных исследований, особенно анализа государства с точки зрения многообразия его качеств и измерений и в плане различных факторов обеспечения его могущества — анализа, который получит название «статистика» в смысле именно науки о государстве. [32]

Наконец, в-третьих, становление этой теории управления не могло не быть связано с распространением меркантилизма и камерализма, которые стремились, с одной стороны, беря в союзники всё ту же статистику, рационализировать процедуры отправления власти, а с другой — разработать концепцию или, скорее, совокупность теоретических предложений относительно способа увеличения государственной мощи и государственного богатства. Таким образом, по большому счёту, теория искусства управления своим рождением обязана не только философам или советникам Государя как таковым: она формировалась лишь по мере становления весьма внушительного государственного аппарата административной монархии и развития связанных с этим становлением аналитических исследований общества. И тем не менее обрести зрелость и получить сколько-нибудь значительное распространение до XVIII века это искусство управления не могло. В сущности, на протяжении длительного периода его дальнейшему развитию так или иначе препятствовали как раз рамки административной монархии. Да, оно долго находилось в некотором отношении в зачаточном состоянии, во всяком случае выступало узником структур [...] (Одно или два слова в фонограмме расшифровать не удалось. Предшествующая часть текста, начиная со слов «которые стремились», как это ни странно, в записи курса, опубликованной в «текстах и выступлениях» (DE. III N 239. — р. 648; см. прим. 1 к данной лекции), отсутствует и заменена абзацем из 19 строк, который не найден ни в звукозаписи, ни в рукописи лекции. — Прим. ред.), и, я думаю, это было обусловлено влиянием целого ряда факторов. Прежде всего развитие искусства управления блокировалось в силу действия исторических причин.

Такого рода исторические причины, в строгом смысле данного выражения, по-видимому, вполне очевидны: на мой взгляд — разумеется, я не могу здесь заниматься более детальным анализом, — ими оказались три последовавших друг за другом серьёзных кризиса XVII столетия. Это, во-первых, Тридцатилетняя война со всеми её губительными последствиями, включая невиданные разрушения; это, во-вторых, произошедшие [в середине] (В этом месте звукозаписи слова неразборчивы. — Прим. ред.) века крестьянские выступления и городские бунты; и это, наконец, финансовый, а также продовольственный кризисы, которые создали значительные проблемы для политического руководства западно-европейских монархий в конце столетия. Однако совершенно понятно, что развиваться, углубляться, внутренне обогащаться и распространяться искусство управления могло лишь в условиях спокойной поступательной эволюции общества, а отнюдь не в ситуации войн или экономических и

политических потрясений, непрерывно переживаемых людьми на протяжении всего XVII века.

Итак, развитие искусства управления существенно тормозилось по историческим причинам, причинам, заявившим о себе в виде, если угодно, грубых, неистовых сил катаклизмов истории. Однако оно, это развитие зародившегося в XVI веке искусства управления, в XVII столетии, на мой взгляд, блокировалось ещё и другим фактором, который можно, по-видимому, обозначить как «институциональные и ментальные структуры», хотя я, признаюсь, не очень-то люблю данное словосочетание. Как бы то ни было, нельзя не отметить, что существенным препятствием формированию искусства управления оказался фактор проблемы осуществления верховной власти, проблемы одновременно и теоретической, и практической. Пока вопрос о суверенитете оставался главным теоретическим и практическим вопросом, пока институты суверенитета оставались фундаментальными институтами общества, пока отправление власти мыслилось в качестве отправления верховной власти — пока дело обстояло так, а не иначе, как нечто специфическое и автономное искусство управления развиваться было не в состоянии, и это, на мой взгляд, хорошо видно именно на примере меркантилизма.

Меркантилизм, действительно, выступил первой попыткой — я чуть было не сказал «первой формой» — осуществления искусства управления и в области политической практики, и в сфере знаний о государстве: это верно в том отношении, что он, судя по всему, добился первоначальной рационализации положений этого искусства, положений, которые у Ла Перьера имеют скорее абстрактно-нравственный, нежели конкретно-реалистический смысл. Меркантилизм, действительно, начинает рационализацию процедур отправления власти как практики управления; он, и в самом деле, стоит у истоков формирования знания о государстве, знания, которое может быть использовано для разработки управленческих тактик. Все это правда, и тем не менее движение меркантилизма в данном направлении оказалось заблокированным и остановленным, и объясняется такого рода ситуация, с моей точки зрения, как раз тем, какую цель он сделал для себя центральной. Так вот, основной целью меркантилизма стало могущество суверена, и меркантилисты направили свои усилия не столько на обеспечение богатства страны, сколько на поиск гарантий процветания верховного правителя: как достичь того, чтобы суверен был богат, чтобы он располагал сокровищами, чтобы он мог иметь армию, которая позволяла бы ему отстаивать его политические интересы? Цель меркантилизма, следовательно, — могущество суверена, а какие же средства он берёт на вооружение? Законы, указы, распоряжения, то есть традиционные инструменты верховной власти.

Итак, цель — суверен, средства — инструменты суверенитета. Меркантилизм, таким образом, в сущности, занимался попыткой рациональной реализации предоставляемых искусством управления возможностей не иначе, как в пространстве институционально-ментальных структур суверенитета, структур, которые эту попытку неизменно блокировали. И в итоге на всём протяжении XVII века и вплоть до начала XVIII столетия, когда вследствие изменившейся ситуации произошёл закат меркантилистской доктрины, искусство управления в плане своей эволюции в некотором роде топталось на месте, будучи не в состоянии удовлетвориться ни одной из двух возможных методологических ориентаций. С одной стороны, это ориентация на слишком общие, слишком абстрактные и слишком

жёсткие с точки зрения управления принципы суверенитета, суверенитета и как проблемы, и как институты. Безусловно, антимакиавеллисты пытались обратиться к обновлённой концепции верховной власти, чтобы вывести из неё ключевые принципы управленческой деятельности. Следует отметить, что именно в XVII веке юристы активно разрабатывают или, скорее, пересматривают теорию договора, и как раз этой теорией основополагающего контракта, взаимных обязательств суверенов и подданных и хотели воспользоваться антимакиавеллисты для обоснования искусства управления. Однако если для юристов эта доктрина договора, эта рефлексия над взаимоотношениями властителя и подданных, вне всякого сомнения, оказалась весьма полезной, то в случае с теми, кто занимался проблемами руководства — и пример Гоббса здесь весьма показателен, — дело обстояло по-другому: из неё, из данной рефлексии, как выяснилось, выводимы лишь общие принципы государственного права, но никак не ключевые принципы искусства управления.

Так вот, с одной стороны — слишком общие, слишком абстрактные и слишком жёсткие принципы суверенитета. А с другой? А с другой — слишком ограниченные, слишком конкретные и слишком неоднозначные с позиции теории управления принципы существования семьи. И антимакиавеллисты, с одной стороны, пытались отталкиваться от общей теории суверенитета, а с другой, в то же самое время, — обращали, и не могли не обращать, свои взоры на ту конкретную форму управления, каковой является управление семьёй (В рукописи (р. 17) добавлено: «Поскольку именно управление семьёй в наибольшей степени соответствует разрабатываемому искусству управления: власть, имманентная обществу (глава семейства является частью семьи), власть над «вещами», а не над территорией, власть, преследующая множество целей, каждая из которых имеет прямое отношение к благосостоянию, счастью, богатству семьи, власть мирная, власть недремлющая». — Прим. ред.). [33] Как добиться того, чтобы тот, кто управляет государством, мог управлять им так же скрупулёзно, так же тщательно, как это может делать отец семейства? Так что развитие искусства управления блокировалось ещё и установками экономии, которая в ту эпоху по-прежнему имела в виду лишь руководство семьёй, домочадцами. Итак, домочадцы и отец семейства, с одной стороны, и государство и суверен, с другой, — искусство управления не могло ориентироваться ни на концепцию первого, ни на концепцию второго.

Как же происходит деблокирование развития искусства управления? Как и блокирование, его нужно рассматривать в контексте некоторых общих изменений общественной жизни. Речь идёт о находящихся в круговом взаимодействии друг с другом трёх существенных процессах: начавшемся в XVIII веке увеличении сельскохозяйственной продукции, увеличении объёма обращающихся денег и демографическом росте. Закономерности их взаимовлияния хорошо известны историкам, и я не буду здесь на них останавливаться. Однако эти три процесса значимы для нас не сами по себе, а постольку, поскольку они обусловили появление такого феномена, как население. И, если говорить более определённо, то, на мой взгляд, можно утверждать, что деблокирование распространения искусства управления было вызвано как раз возникновением проблемы населения. Или, выражаясь ещё точнее, оно, данное деблокирование, произошло в рамках процесса эволюции — и его, разумеется, стоило бы воссоздать во всех деталях, — объединившего науку об управлении, во-первых, экономию, во-вторых, и проблему населения, в-третьих. В рамках этого процесса именно благодаря развитию науки об управлении экономия смогла

переориентироваться с семьи на некую выделенную ей специфическую сферу реальности, которая сегодня характеризуется нами как экономика, и опять-таки именно благодаря развитию науки об управлении проблема населения обрела статус особой, самостоятельной проблемы. Но верно и обратное: как раз в силу того, что возникла особая проблема населения, и как раз в силу того, что была выделена специфическая область действительности, именуемая нами экономикой, наука об управлении оказалась в состоянии в полной мере осознать и осмыслить задачу управления и найти рациональные способы её решения вне юридических форм суверенитета. И та самая статистика, которая в эпоху меркантилизма могла развиваться лишь под контролем и в какой-то степени в интересах административного аппарата монархии, аппарата, в свою очередь функционирующего исключительно в границах логики суверенитета, — эта самая статистика становится теперь главным или во всяком случае одним из главных элементов деблокирования распространения искусства управления.

Как же конкретно возникновение проблемы населения позволило деблокировать развитие искусства управления? Прежде всего, обращение к проблематике населения, исследование его реальных свойств сделали для исследователей возможными окончательный отказ от использования модели семьи и переосмысление понятия экономики. В самом деле, эта статистика, которая до сих пор была ограничена административными рамками верховной власти, теперь шаг за шагом открывает и демонстрирует свойственные именно населению закономерности, выражающиеся типичным для него коэффициентом смертности, показателем заболеваемости, средним числом несчастных случаев. Статистика, далее, устанавливает, что с населением как значительной совокупностью людей сопряжены процессы, которые нельзя вывести из процессов, связанных с семьёй как малой группой индивидов: вспышки эпидемий, рост количества эндемических заболеваний, циклическая динамика в сфере труда и накопления богатства. Статистика [также] свидетельствует о том, что с населением связаны особого рода экономические явления, характер которых определяется степенью его подвижности, привычками поведения, уровнем трудовой активности. Используя методы математической обработки данных о населении, статистика, следовательно, выявила принципиальное отличие свойств населения от свойств семьи, и отныне семья в целом перестала выступать в качестве модели для искусства управления: теперь оно рассматривало её в этом качестве разве что при решении вопросов регулирования нравственной и религиозной жизни людей.

Но зато семья сразу же получила статус элемента населения и главного посредника в управлении данным новым феноменом. Иными словами, до возникновения проблемы населения искусство управления относилось к семье не иначе, как к модели, а к экономике — исключительно как к регулированию семейной жизни. Но когда появляется население и когда обнаруживается, что его характеристики несводимы к характеристикам семьи, последняя погружается в пространство этой большой совокупности людей и становится её элементом. Это уже не модель, это уже именно элемент; элемент, однако, особый, ибо если в процессе управления населением возникает потребность в решении вопросов, касающихся взаимоотношения полов, демографии, рождения детей, потребления, то решать их надо как раз через семью. Семья, следовательно, из модели превращается в инструмент; теперь перед нами именно особое средство управления населением, но никак не некий образец хорошего управления. И этот перевод семьи из статуса модели в статус средства был

осуществлён со всей решительностью. Действительно, инструментальность семьи в деле управления населением начинает обнаруживаться уже с середины XVIII века: кампании за снижение уровня смертности, кампании за укрепление брака, кампании вакцинации и инокуляции и так далее — все они проводятся именно через семью. Итак, возникновение феномена населения позволяет деблокировать развитие искусства управления тем, что лишает семью статуса образца хорошего управления.

Во-вторых, население оказывается по большому счёту конечной целью управления. В самом деле, какой может быть цель последнего? Разумеется, не управление как таковое, но улучшение положения населения, увеличение его богатства, рост продолжительности жизни людей, забота об их здоровье. И основным инструментом, используемым управлением для достижения этих в общем-то имманентных пространству населения целей, является само население, причём именно тогда, когда оно подвергается прямому воздействию в режиме кампаний или же косвенному воздействию посредством различных техник, которые позволяют достаточно незаметно для людей, к примеру, стимулировать рождаемость или обеспечивать определённый регион или отрасль производства дополнительной рабочей силой. Управление, следовательно, начинает иметь в виду не столько могущество верховных правителей, сколько именно население, выступающее для него и в качестве цели, и в качестве средства её достижения: да, население — это субъект со своими потребностями и устремлениями, но это также и объект, выполняющий для управления функцию инструмента. В связи с управлением население, с одной стороны, осознает то, чего оно хочет, однако, с другой, плохо отдаёт себе отчёт в том, что его заставляют делать. Так вот, интерес как сознательный интерес каждого из составляющих население индивидов и интерес как выгода населения в целом независимо от того, каковы индивидуальные интересы и устремления тех, кто его составляет, — это и есть то, в чём, при всей запутанности взаимоотношений данных интересов, находит себе цель и основное средство её достижения управление населением. Здесь мы имеем дело с настоящим рождением нового искусства или по крайней мере абсолютно новых его тактик и техник.

И, наконец, население становится тем феноменом, на котором сосредоточивается всё, что в текстах XVI века называлось «терпением суверена». В сущности, население теперь является объектом, без наблюдения за которым и без анализа которого добиться продуманного и рационального управления было бы просто невозможно. Формирование знания об управлении совершенно неотделимо от формирования знания обо всех связанных с населением процессах, от знания о населении в широком смысле слова, знания, получившего наименование «экономия». В прошлой лекции я говорил, что политическая экономия смогла конституироваться тогда, когда в пространстве различных элементов богатства обнаружился новый субъект, каковым оказалось население. Так вот, в рамках этой ориентации на тесную и весьма сложную взаимосвязь населения, территории и богатства конституировалась и наука, которую называют политической экономией, и то типичное для управления воздействие на процессы, которое является воздействием на область экономики и населения (В рукописи лекции (р. 20) уточнение: «Физиократы: наука об управлении есть наука о взаимоотношениях между богатствами и населением». — Прим. ред.). Короче говоря, произошедший в XVIII веке переход от искусства управления к политической науке, [34] переход от режима, определяемого структурами суверенитета, к режиму с доминированием техник управления стал возможен благодаря появлению населения и, как

следствие, возникновению политической экономии.

Я бы, однако, совсем не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто с того момента, когда искусство управления начинает становиться политической наукой, проблема верховной власти утрачивает свою актуальность. Нет, этого не происходит. Я бы даже сказал, что, наоборот, именно в данный период она, эта проблема, встаёт с наибольшей остротой, ибо теперь речь идёт уже не о том, чтобы, как в XVI и XVII века, попытаться вывести из теории суверенитета искусство управления, но о том, чтобы, поскольку это искусство уже встало на ноги, поскольку оно активно развивается, определить, какими юридически-институциональными формами, каким правовым основанием можно обеспечить верховную власть, которой характеризуется государство.

Почитайте два текста Руссо. В первом по времени написания, а именно в статье «Политическая экономия» для «Энциклопедии», [35] Руссо, обсуждая проблему управления и искусства управления, заявляет следующее (и его позиция весьма характерна для того времени). Он говорит: слово «экономия» обозначает руководство отцом семейства имуществом семьи, [36] однако даже если к ней и обращались в прошлом, сегодня данная модель семьи уже не может считаться приемлемой, ибо сейчас мы хорошо понимаем, что политическая экономия — это экономия отнюдь не семейная. И далее, хотя и не упоминая напрямую ни учение физиократов, ни статистику, ни общую проблему населения, он ясно указывает на существенную трансформацию мышления и на то, что термины «экономия» и «политическая экономия» имеют теперь совершенно новый, уже не ограниченный рамками старой модели семьи смысл. [37] Следовательно, в этой статье Руссо, как минимум, ставит задачу определения искусства управления. А затем он напишет «Общественный договор», [38] в котором центральной окажется именно проблема того, каким образом с помощью таких понятий, как «природа», «договор», «общая воля» можно сформулировать главный принцип управления, в равной мере совместимый и с юридическим принципом суверенитета, и с основополагающими элементами управленческого искусства. Итак, с появлением нового искусства управления, искусства управления, которое достигло теперь уровня политической науки, проблема верховной власти отнюдь не снимается. Вопрос о суверенитете вовсе не утрачивает своей актуальности: он, наоборот, приобретает особую остроту.

Но точно так же не утрачивает своей актуальности и проблема дисциплинарности. Разумеется, дисциплина, её учреждение, её организация, институции, благодаря которым она получила широкое распространение в XVII и начале XVIII века: школы, мастерские, армия, — разумеется, всё это было неотделимо от крупных административных монархий и развивалось вместе с их развитием. И тем не менее, и проблема дисциплинарности ещё никогда не стояла так остро, и ей тоже ещё никогда не придавалось такого большого значения, как в период начала руководства населением; ибо руководство населением отнюдь не сводится к простому распоряжению массой однородных элементов, распоряжению на уровне получения неких общих результатов: нет, руководить населением — значит осуществлять глубокое, детальное и тонкое руководство.

Итак, ориентация на управление как управление населением не только не снимает, а, напротив, делает ещё более острыми и проблему обоснования суверенитета, о чём

свидетельствует пример Руссо, и проблему развития дисциплины — дисциплины, анализу которой я посвятил одну из своих книг. [39] Поэтому было бы грубой ошибкой полагать, будто здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда сначала общество суверенитета сменяется обществом дисциплины, а затем на смену обществу дисциплины приходит, скажем так, общество управления. Нет, на самом деле перед нами своего рода треугольник: суверенитет, дисциплина и управленческое воздействие, управленческое воздействие, главная цель которого — население, а ключевые механизмы — устройства безопасности. Как бы то ни было, то, на что я хотел вам указать, представляет собой фундаментальную историческую взаимосвязь трёх процессов: процесса, благодаря которому проблема констант верховной власти уступила пальму первенства проблеме правильного выбора управленческих приоритетов; процесса, обусловившего появление населения как данности, как пространства управленческого воздействия и цели, ради достижения которой используются техники управления; и, [наконец], процесса, в рамках которого происходит вычленение экономики как специфической сферы реальности и формирование политической экономии, выступающей и в качестве науки, и в качестве техники воздействия управления на экономику. (В рукописи (р. 22) в данном месте добавлено: «процесса, в рамках которого руководство населением обеспечивается корпорацией должностных лиц». — Прим. ред.) И взаимосвязь этих процессов обусловила прочное единство вызванных ими к жизни элементов, а именно управления, населения и политической экономии, которые, на мой взгляд, неотделимы друг от друга начиная с XVIII века и по настоящее время.

И ещё несколько слов [...] (Окончание фразы в звукозаписи расшифровать не удалось. — Прим. ред.). В сущности, если бы мне хотелось дать курсу, за который я взялся в этом году, более точный заголовок, то я, конечно же, воспользовался бы не цепочкой слов «безопасность, территория, население». В свете того, чем бы я хотел заняться теперь, курс, по-видимому, предстаёт таким образом, что, если бы мне действительно хотелось дать ему более точный заголовок, я назвал бы его историей «управленчества». (Здесь М. Фуко прибегает к неологизму *gouvernementalite* — существительному, производному от прилагательного *gouvernemental*, употребляемого в значениях «правительственный» и «управленческий». Учитывая многогранность этого понятия, а также его последующую эволюцию в творчестве Фуко, мы сочли целесообразным перевести его как «управленчество». — Прим. ред.).

Этим словом «управленчество» я намерен обозначить три вещи. Прежде всего, под «управленчеством» я понимаю совокупность институтов, процедур, анализов и рефлексий, расчётов и тактик, посредством которых реализуется весьма специфическая и чрезвычайно сложная разновидность власти, имеющая в качестве главной цели население, определяющего познавательного обеспечения — политическую экономию, а ключевого инструмента — устройства безопасности. Во-вторых, под «управленчеством» я понимаю тенденцию, направленную силу, непрерывно и на протяжении очень длительного времени обуславливающую на Западе доминирование того типа властных отношений, который можно назвать «правлением» над суверенитетом и дисциплиной, и вызывающую развитие, с одной стороны, целого ряда специфических учреждений управления, а с другой — целой категории особых знаний. И, наконец, под «управленчеством», я думаю, надо понимать процесс или, скорее, результат процесса, в рамках которого государство, бывшее в Средние века государством юстиции и ставшее в XV и XVI века государством административным,

постепенно оказывается государством «оправительственным».

Хорошо известно, какой гипнотической силой обладают сегодня любовь или ненависть к государству; хорошо известно, насколько серьёзно сосредоточены в настоящее время на вопросах его происхождения, истории и совершенства, вопросах его власти и злоупотреблений этой властью. Такого рода чрезмерное внимание к проблеме государства, на мой взгляд, выражается в двух основных формах. Прежде всего, в форме его непосредственного, аффективного и трагического восприятия: оно предстаёт перед нами в виде ужасающего холодного чудовища. [40] Но вы, я думаю, знакомы и со вторым вариантом переоценки его значимости — вариантом явно парадоксальным, ибо он предполагает весьма упрощённое представление о том, что такое государство. Я имею в виду тот подход к данному образованию, при котором его роль в жизни общества сводится к выполнению ряда функций, каковы, к примеру, развитие производительных сил или воспроизводство производственных отношений. Однако как раз это редукционистское представление о государстве, по-видимому, и делает его для многих, с одной стороны, объектом постоянных нападков, а с другой, — как вы хорошо знаете, средством обретения столь желаемых привилегий. Но государство никогда — ни сегодня, ни в своей предшествующей истории — не представляет собой некую целостную структуру и не обладает ни какой-либо индивидуальностью, ни строгой функциональностью. Оно, я бы сказал, не имеет той значимости, которую ему приписывают. По-видимому, это не более чем композитная реальность и мифологизированная абстракция, так что важность его, судя по всему, сильно преувеличена. По-видимому, так. То, что для нашей современности, для нашей действительности оказывается по-настоящему существенным, — это, следовательно, не огосударствление общества, а процесс, который, на мой взгляд, можно назвать «обуправлением» государства.

Мы живём в эпоху управленчества, открытого в XVIII веке. Оправительствованием государственности, которое является в высшей мере неоднозначным феноменом, ибо проблемы управленчества, техник управления, действительно, очень быстро стали единственной ставкой политики и единственным реальным пространством политической борьбы, политических схваток, — это оправительствование государственности, однако, выступило тем, что позволило государству выжить. И, судя по всему, если государство существует в том виде, в каком оно существует сейчас, то это имеет место благодаря именно управленчеству — управленчеству, представляющему собой одновременно и нечто внешнее, и нечто внутреннее по отношению к государству, поскольку как раз тактики управления и позволяют в каждом конкретном случае определять, что должно зависеть от государства, а что от него зависеть не должно, что является публичным, а что им не является, что может быть государственным, а что государственным быть не может. Следовательно, поскольку мы хотим понять, почему государство выжило и почему оно сегодня заявляет о себе так, а не иначе, нам нужно исходить из основных тактик управленчества.

И, по-видимому, в самом общем, огрублённом и, стало быть, не вполне точном виде наиболее важные формы организации, наиболее важные формы экономии власти на Западе можно представить следующим образом. Во-первых, государство юстиции, возникшее в рамках территориальности феодального типа и в целом соответствующее обществу закона

обычного и писаного права, права, предполагающего судебную состязательность, тяжбы и так далее. Во-вторых, административное государство, сформировавшееся в XV и XVI века в рамках территориальности, обусловленной границами, а не феодальной; это административное государство соответствует обществу регламентации и дисциплин. И, наконец, государство управления, которое, в сущности, определено уже не территориальностью, а массой: массой населения, имеющего некую численность, динамику и, разумеется, проживающего на некой территории, однако его связь с территорией является здесь лишь одним из его измерений. И это государство управления, которое самым серьёзным образом обращено к населению и берёт на вооружение и использует инструментальный экономический знания, очевидно, соответствует обществу, контролируемому устройствами безопасности.

Вот, если угодно, несколько замечаний относительно данного важного, как мне кажется, феномена, каким является управленчество. А дальше я попытаюсь вам показать, во-первых, как это управленчество зарождалось, с одной стороны, на основе архаической модели христианского пастырства, а с другой — отталкиваясь от модели военной дипломатии или, лучше сказать, военно-дипломатической техники; и, во-вторых, каким образом его столь значительному распространению в настоящее время способствовала та совокупность весьма специфических инструментов, которая формировалась вместе с искусством управления и которую в старом, относящемся к XVII и XVIII века, смысле слова называют полицией. Пастырство, новая военно-дипломатическая техника и, наконец, полиция — таковы, на мой взгляд, три ключевых элемента зарождения и развития этого фундаментального феномена истории Запада, каким является обустройство государства.

Версия #1

Зверобой создал 27 января 2026 20:56:19

Зверобой обновил 27 января 2026 20:57:22